

Литературное интервью

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВА

ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РФ, ЖУРНАЛИСТ

«Ваше Величество, Книга...»

О ПИСАТЕЛЕ АГНИИ КУЗНЕЦОВОЙ

В моём детстве не было компьютера, мобильного телефона, телевизора. Была школа, Дворец пионеров на Желябова и книги. Всё свободное от уроков и домашних дел время было заполнено чтением. Как-то так было устроено детство — всё крутилось вокруг книги.

Внеклассное чтение, последний урок. Фаина Ивановна, позднее Анна Даниловна достают что-то из портфеля. Это мог быть Гайдар, Осеева, Кунгуров — начинают читать. Класс — муха пролетит, слышно.

Дома из чёрной тарелки под потолком тоже приходили гости. Чёрная тарелка — радио, чудо техники моего детства. Гости — лучший чтец страны Дмитрий Журавлёв с лирикой Некрасова, Кольцова, Пушкина, или Иракий Андроников с невероятно занимательным повествованием о Лермонтове.

Дворец пионеров постоянно помогал нам услышать писателей. Детских писателей, которые жили в нашем городе и писали для нас. Каждая такая встреча, радиопередача, внеклассное чтение побуждали действовать: достать, перечитать, выучить наизусть. Если нам говорили: «школа — второй дом», то библиотеку мы сами называли «третьим домом». Жили мы тогда в бараке в районе плотины ГЭС. Ближайшая библиотека — на углу Русиновской и 3-й Советской (сегодня Байкальская и Трилиссера). Автобусы не ходили. Такси — мы и слова такого не знали. Бегом. Пешком. Идти-то всего ничего. С горки спустился, на горку поднялся, по деревянным тротуарам Русиновской пробежался — и ты на месте. По тротуарам — громко сказано. Настила мало — грязи больше. Книги Г. Кунгурова, П. Маляревского, А. Кузнецовой мы зачитывали до дыр. Вот и получается, что главной героиней моего детства, моего поколения была она — Книга.

...Москва. Остановились на углу Большой Бронной и Тверской. Стоим у киоска, выбираем цветы. Гадаем: какие же цветы больше порадуют хозяйку дома, куда мы идём в гости? Розы, гладиолусы, хризантемы? И вдруг взгляд выхватил у спуска в метро Пушкинская огромное ярко-оранжевое пятно — лукошко, наполненное жарками. «Не жарки, — поправляет бабуля-продавец. — Купальница». У них — купальница, у нас — жарки. Цветы нашего детства и детства хозяйки дома, куда мы направляемся. Купили. Пришли. Съёмочная группа иркутского областного телевидения: Н. Золотуева, Д. Цибанов и я. Огромный серый дом в Палашевском тихом переулке в центре Москвы. Нам дала согласие на встречу и интервью Агния Александровна Кузнецова. Наша землячка, иркутянка, детская писательница.

— *Боже, какие красивые цветы, — её первые слова. — Когда говорю москвичам, что они у нас в тайге растут, не верят: «Нет, это из оранжереи!».* Ничего не знаю красивее сибирских лесных цветов!

Небольшого роста, седая, зачёсанная набок чёлка прихвачена шпилькой. На плечи наброшен шёлковый платок — на сером фоне голубые цветы. Улыбка и выражение глаз такие, словно в гости пришли её родные дети, которым она очень и очень рада. Оглядываемся. Хороший, со вкусом обставленный дом. Много фотографий: на стенах, тумбочке, столике. Дети, внуки, муж, зять... Сели. Она на диван, я — в кресло напротив.

— *Можно я буду в бумажечку заглядывать? Кое-что записала, чтобы не забыть.*

Передо мной сидит милый, добрый человек, которого я вот так же напротив видела более 65 лет назад. Это было во Дворце пионеров. Очередная встреча читателей и писателей. На сцене были К. Седых, Е. Кунгуров, П. Маляревский, А. Кузнецова, а мы — в зале. Она тогда была молодая, черноволосая и даже ростом, мне кажется, повыше. За плечами собеседницы — 84 года. Между той и этой встречей — целая жизнь, эпоха. Не верится! Разговор начался с прошлого.

— *По местам детства тоскуете?*

— *Ой, как хочется увидеть... До сих пор к москвичам привыкнуть не могу. Они не такие, как мы, сибиряки. У нас люди молчаливые, много не говорят (она имела в виду, не болтают, не дают пустых обещаний). У сибиряков слово — дело. Именно дело.*

Я родилась на тихой улочке. Знаете Иерусалимскую церковь, кладбище на горе? Вот там, рядом. Это очень помнится. Вечером с горы посмотришь — город светится. Считаю Иркутск очень хорошим, очень красивым, тёплым городом. Очень люблю Иркутск.

Говоря так, она, конечно же, не имела в виду наш сегодняшний Иркутск. С улицами 1-я Советская, К. Маркса, Кожова, Седова, 25 Октября — район её детства. Она имела в виду свой, сокровенно-интимный родной город с Парковой, Мастерской, Провиантской, Заморской улицами. Это и сегодня не очень шумный район, хотя активно застраивается, а в годы её детства — окраина, почти деревня. С петухами и курами во дворе, коровьим стадом, которое пастух гнал на выпас, с хрюканьем поросят в стайке... Если немного пофантазировать — несложно представить, какие места в округе могли вызвать детский интерес и любопытство.

Спустишься по Парковой, пройдёшь по Мастерской (сегодня улица Кожова) — выйдешь на Ангару. Через реку виден вокзал, по воде слышны гудки паровозов. Разве не интересно? А если пройти по берегу реки в сторону Лисихи, далеко-далеко, правда, зато дойдёшь до того места Ангары, где из воды торчали высоченные скалы-пороги. Вокруг них вода кипела, бурлила, крутила водовороты. Страшно. Искупаться там — всё равно, что умереть. Через реку — белая Кузьмихинская церковь и село Кузьмиха. Пришла ГЭС — перенесли дорогу, взорвали церковь, ушли под воду пороги. Что-то теряем, что-то находим.

Её Иркутск помнил пасхальные шествия и звон колоколов... Александровский сквер с памятником Александру III на уникальном постаменте. А еще интересно было сбегать на мелочной рынок. Поглазеть. Чего там только не продавали! А тройки на Большой, от которых нередко приходилось шарахаться!

Сорок лет уже живёт в столице. Почти в центре — до Кремля минут 20 пешком, не более. А мысленно и сердцем всегда была там, на тихой улочке Иерусалим-

ской горы. Детство, годы учёбы, взросления упали на времена очень непростые. Свержение царя. Революция. Гражданская война. В городе то белые, то красные. То одни флаги вывешат, не успеешь разглядеть — другие появились. Сегодня колчаковцы хозяйничают, завтра 5 Армия вошла. Информация поступала одна интереснее другой. Кому верить и что будет завтра — никто не мог сказать. А жизнь, между тем, шла. Ходили в школу. Готовили домашнее задание. Учили стихи. Переходили из класса в класс. Политическая и социальная жизнь шли параллельно.

На журнальный столик выложила некоторые фото. Берёт, разглядывает. Комментирует. Вспоминает.

— *Это наш Союз писателей. Иван Молчанов-Сибирский, Иннокентий Луговской, Анатолий Ольхон... Ольхон, знаете, очень гордился тем, что арестовывал царя. Это было его частое желание — удивить всех... Елена Жилкина, Константин Седых, Гавриил Кунгуров. Иван Молчанов был женат на моей родственнице.*

Как только организовался Союз — принимали всех сразу. Это уже потом был установлен кандидатский срок. Не помню, то ли 3, то ли 4 года. На обсуждении литературных произведений участвовали все — и кандидаты, и члены — на равных... Наши писатели пользовались большим уважением в Москве. Ни из одного региона не печатали так часто новые книги писателей, как из Иркутска. Не многие удостаивались такой чести, как К. Седых, Ф. Таурин, Г. Марков, П. Мальяревский.

Невозможно говорить об Агнии Кузнецовой, не упоминая рядом Георгия Маркова, её мужа. Эти двое, как смежные углы в геометрии — неразделимы. И даже, смею предположить, что состоялись и выросли два таких ярких звучных имени рядом, потому что они нашли друг друга. Оба сибиряки. Он родился под Томском, в сибирской деревне. В большой семье — 14 детей. Оба увидели мир в 1911 году. Того и другого судьба привела в университет. Его — в Томский, её — в Ленинградский. Оба не окончили высшую школу. Почему? Об этом позднее скажу. Того и другого обстоятельства привели в Новосибирск.

— *Я тогда в Новосибирске работала в газете «Октябрята». Он же был ответственным секретарём пионерской газеты «Юный ленинец». «Октябрята» входили в «Юный ленинец» (я не уточнила, но поняла, что её газета входила как вкладыш). До этого о нём много слышала хороших, добрых слов. А увидела впервые в типографии. Познакомились. Начали встречаться. У нас ведь, получается, общее дело, темы для разговоров. Потом он тяжело заболел — сыпной тиф. Эта зараза страшная! Положили в больницу. Я назвалась его сестрой — мы были очень похожи, все признавали. Разрешили приходить в палату и ухаживать за больным. Медсестёр не доставало. Лечение долгое. О том, что и сама могла заразиться и заболеть, — не думалось. Даже в голову не приходило.*

В 1936 году они стали мужем и женой. Переехали в Иркутск. Этот переезд, по существу, был бегством от возможного ареста и репрессии. Что же произошло? Его брат Иван был арестован и объявлен «врагом народа», судили. Рикошетом отозвалось на судьбах всей большой семьи. Успешный, талантливый, с большим творческим потенциалом редактор «Юного ленинца» в одночасье лишается всего: работы, партбилета, бывших друзей. Иркутск для них стал спасением, местом, где можно было укрыться, где были родственники, готовые дать крышу. Начали жить с нуля. Мелкие подработки в школьных кружках, внештатное сотрудничество в «Советской молодёжи» и «Восточно-Сибирской правде». Потихоньку жизнь налаживалась. В 1939 году почти одновременно вышли из типографии две

повести: «В Чулымской тайге» — Агнии Александровны, и первая книга «Строговы» Георгия Мокеевича. А с ними и признание, известность, материальная стабильность.

Летом 1941 года они даже в отпуск смогли поехать, ничего не опасаясь, на родину Г. Маркова, в томскую тайгу, где жили его родители, отец был егерем. С ними их первый ребёнок — трёхлетняя дочь Ольга. Георгий Мокеевич без леса и охоты — что птица без крыльев. Жизнь становилась обезличенной, пустой. Ведь в тайге вырос. Все радости узнавания природы и всего живого в ней, всё самое счастливое, что было у него в детстве, связано с лесом, с водой, зверьём, рыбалкой.

— Чудесные были дни. Всё вокруг в цвету. Каждая травинка улыбается. 22 июня утром, только сели завтракать, забегают соседский парнишка с криком: «Война!». «Какая ещё война, что мелешь?». Радио-то не было. Так, кто-то услышал и передал. «Сбегай в соседнюю деревню, поспрашивай — верно ли?». А тут сосед заходит, и первое, что слышим — война началась. Евдокия Васильевна, мать Георгия, помолчав, сказала: «Я же всю весну подмечала — плохие были приметы. Черёмуха цвела два раза. Кукушка, она же из леса кукует, а тут прилетит к дому, сядет на забор напротив окна — кукует, поёт своё. А закаты? Вы же помните, какие кровавые закаты были всю весну. Вот и не верь теперь!». Засобирались назад. Из Иркутска телеграмма пришла: все писатели объявили себя мобилизованными на фронт. Трое суток ехали. Город стал тёмным, мрачным — свет зажигать нельзя было... Через несколько дней провожали на фронт писателей. Вокзал. Темно. Ни огонька. Только по стуку колёс становилось понятно — очередной состав ушёл в темноту. И помнится из чёрной ночи голос Ивана Молчанова-Сибирского: «Родится сын — назови Максимом». Его жена ждала ребёнка. И сын родился. И Максимом назвали. Это незабываемое впечатление, которое никогда не пройдёт... Только Ольхон не уехал, по болезни. Он и вправду был болен.

Она часто останавливалась в разговоре. Держала паузу. Затем продолжала нить разговора.

— Я ведь никогда не была ни комсомолкой, ни членом партии. Но в войну меня, беспартийную, назначили секретарём Иркутского отделения Союза писателей. Позднее очень много лет была уполномоченным литературного фонда по Иркутской области. Много лет.

Александр Кузнецов, отец, был мелким служащим. На горе, где был их дом, селились, в основном, люди этого сословия. В Гражданскую войну в составе белой армии воевал против красных. Был белым офицером. В начале тридцатых годов она поступает в Ленинградский университет на филологический факультет. Учится успешно. Её начали печатать в местной прессе и журналах. Но какими-то неизвестными путями-дорогами руководство узнало об отце. Университет не пришлось окончить. Отчислили. Видимо, это и стало основной причиной впоследствии не вступать в какие-либо ряды. Пройдёт много-много лет, и она рассказывает этот случай из своей биографии внуку. Ребёнок был ещё мал, лет шесть-семь. Выслушав, Филипп подумал и сказал: «Ну ты, бабуля, и контра!». Это вызвало у неё взрыв детской, непосредственной радости. Она долго смеялась. И любила рассказывать этот случай другим.

Пятьдесят лет прошли они рядом с Георгием Мокеевичем. Человек он был титулованный — 36 лет возглавлял Союз писателей. В его рабочем кабинете на Никитской побывали самые известные, легендарные писатели всего мира, не го-

вора уже о Союзе. Это был человек высочайшего авторитета. Но занятость при такой должности, загруженность не помешали ему написать ряд интересных, читаемых романов и повестей. Среди них «Отец и сын», «Соль земли», «Сибирь»... Они появились уже после «Строговых». Почётный гражданин Иркутска, дважды Герой Социалистического труда, орденоседец — таков наградной список нашего земляка. Каким талантливым, каким бы умным ни был мужчина, но я уверена, что успешным его делают только крепкий тыл и любимый дом. Это они не позволяют ему отвлекаться на быт, магазины, болезни детей, пойди-принеси. А тылом Георгия Маркова была она — Агния. Тылом крепким, надёжным, преданным.

— *А вот в быту, дома каким он был?*

— *Он был очень хороший человек. Очень. Никогда не пил. Никогда. Представьте себе — ни капли вина. За всю жизнь. Как, впрочем, и Филипп, наш внук. И вообще, он очень похож на деда. Очень. И по таланту, и по характеру, и память у него такая же блестящая. И даже движения такие же. Ведь Георгий Мокеевич не получил высшего образования. Учился в Томском университете. Заочно. Большая загруженность на работе. И ему сделали документы, что окончил. По документам — да. А так — нет. Но он, представьте себе, был очень образованным человеком. С любым профессионалом мог говорить на любую тему на равных. Я всегда поражалась — как это, откуда? Память, я уже сказала, была блестящая. Детей очень любил. Но по дому помощи от него я никакой не видела. Дом, дети, быт, кухня — всё на мне. Повести свои, рассказы писала, можно сказать, держа бумагу на коленях. Увлечусь, забудусь, опомнюсь, когда уже дышать нечем: чад — или котлеты сгорели, или молоко давно сбежало. Такие вот условия работы. Особенно тяжело было в Иркутске. Потом уже стало полегче. Дети подросли.*

Её исповедь, откровенная, честная, навела на размышления. Я знала многих творцов и знаю. Иногда зайдёшь в дом — сесть негде от неустроенности. Но беспорядок в доме, неряшливость, не мытые годами стёкла окон они оправдывали своей талантливостью: весь в творчестве, не до мелочей! Весь в творчестве. Идея на идее. В творчестве, которое со стороны невозможно ни увидеть, ни оценить. Пшик! А эта маленькая тихая, спокойная, не научившаяся громко заявлять о себе женщина сумела сделать всё, что написала ей судьба. Вырастила прекрасных дочек — Екатерину и Ольгу. Катя — актриса и писательница. Что является в её творчестве доминантой, не берусь судить: то и другое талантливо. Пишет и Ольга. Внук — историк, философ, кандидат наук, богослов. Человек уважаемый, почитаемый, авторитетный в своей среде. Но и это не всё, хотя уже для одного человека — подвиг совершён. Она успела написать в свободное от забот время более 15 повестей и рассказов: «Чертова дюжина», «Свет травы», «Честное комсомольское», «Твой дом»... Есть у неё повесть, отмеченная премией, дипломами и наградами — «Земной поклон».

Агния Александровна ничего не рассказывала о своей маме, а я расспрашивать не стала. Может, и зря! Просто времени для общения было мало. Но в разговоре хозяйка уточнила, что вырастила её и воспитала тётя, она же учительница литературы Евгения Николаевна Домбровская. Этой женщине и посвящена повесть «Земной поклон», её светлой памяти. Видимо, уроки литературы так сумели показать ребёнку очарование рифмованной строки, так заразили печатным словом, что ученик очень рано понял — ему тоже хочется на бумаге излагать свои мысли, хочется сочинять, он не может не делать этого. Тяга к творческой сочинительности с детства поселилась где-то там, в душе, и постоянно искала выхода, выплеска. И находила.

— *Агния Александровна, Ваша тема — дети. Все повести об этом. И вдруг такой резкий, неожиданный поворот — история, девятнадцатый век, окружение Пушкина. Откуда? Как могла произойти такая метаморфоза, где толчок?*

— *Мне хочется рассказать вам об одной давней поездке, командировке в Пермь писательского десанта. Выехало нас очень много. Я удостоилась особой чести секретаря обкома КПСС, который повёз меня в село Ильинское, не помню уж, на пароходе или на катере...*

Здесь прерву рассказ Агнии Александровны — небольшой исторический экскурс. Село Ильинское известно с 1579 года — вот такая старина! Оно располагалось на землях, которыми владел богатейший российский род Строгановых. Ильинское — культурный, можно сказать, центр на Урале: школы, библиотека, иконописные мастерские, даже театр — в селе было всё. Библиотека — одна из крупнейших на Урале. Церкви — красоты необыкновенной. Иконописная мастерская дала России архитектора Воронихина. Театр — в самой Перми такого не было. Когда узнаешь всё это, думается, Боже, какие же социально ответственные парни были российские промышленники. Вот пример для подражания! Граф Григорий Строганов дружил с семьёй А.С. Пушкина. Это он добился разрешения отпеть поэта в Исаакиевском соборе, а позднее опекал его детей.

— *Там, в Ильинском, жили когда-то мои предки. Они были крепостными графа Строганова. Мои дед, прадед. Будучи людьми невольными — получили хорошее образование. Любопытно, что, будучи крепостными, дворовыми людьми, они писали дневники. И писали очень хорошо, подробно описывали события, что и как случалось в жизни. И эти дневники чудом... Чудом!.. попали ко мне. И вот в последние годы, когда я могла ещё хорошо работать, были написаны, взяв за основу материалы дневников, несколько книг: о Наталье Николаевне, о людях, окружавших поэта. Знаете, в Ильинском меня встречали, как почётную крепостную (смеётся).*

Эти дневники она и нам показала. Я держала их в руках, листала. Им более 170 лет... Действительно, Чудо — пережить все войны, смуты — дойти до наших дней. И попасть в руки тому, кому и предназначались — наследнице. Ничего нет в жизни случайного! Как и эта поездка!

— *Я много работала в архивах. И в московском, и в других городах, где была. Но они мне дали меньше, чем дневники моих предков. Прадед получил вольную. Жил в Петербурге. Но по поручениям своего хозяина часто бывал в доме на Мойке. Что-то отнести, передать, сказать... Мои предки, все мои предки, считали себя врачами (в переводе на сегодняшний язык — были «народными целителями»). И вот для прадеда не только лицо имело значение, но и походка, глаза, движения — всё в человеке о чём-то говорит. Увидев Наталью Николаевну, влюбился в неё без памяти. Сильно. Страстно. Безответно. Все чувства — в дневниках, на бумаге. Женился — любил Наталью Николаевну, ребёночек родился — любил Наталью Николаевну. Так она врезалась в его память! До самой смерти помнил.*

Сборник «Моя мадонна» включает три повести. «Под бурями судьбы жестокой» — главный герой — прототип её прадеда. «А душу твою люблю...» — по сути, книга — реабилитация Наталии Гончаровой. Так пишут. Почему? Какой всегда была в глазах «света» жена поэта? Ветреница, кокетка, виновница состоявшейся дуэли, а значит и смерти «солнца русской поэзии». А в этой повести перед нами совершенно другое. То, что увидела, поняла, объяснила и изложила автор:

любящая верная жена; женщина, за пять лет замужества родившая четверых прекрасных детей (Марию, Александра, Григория, Наталью); женщина, горько, тяжело, до болезненного состояния переживающая трагическую смерть любимого.

Екатерина, дочь автора, так вспоминает время появления повести:

— *Книга практически произвела бум, словно революция произошла. Пушкиноведы протестовали, опровергали новый взгляд на Наталью Николаевну. Выходили ругательные критические статьи, но маме это было неважно. Пусть пишут. Она сказала своё слово. Сделала своё дело. И, думаю, история этого не забудет.*

А вот один из самых великих пушкинovedов страны Семён Степанович Гейченко (это он поднял из руин родовое гнездо поэта — Михайловское — после войны, это он 45 лет являлся ангелом-хранителем Михайловского литературного заповедника, это он знал наизусть каждый прожитый год поэта, день за днём) поддержал Агнию Александровну. Очень высоко оценил труд. Они дружили, переписывались много лет, уважительно и благосклонно относились друг к другу. И для автора оценка С. Гейченко — самое главное признание её правоты. Остальное — так, пена.

По-своему видел отношение А. Кузнецовой к её героине её зять:

— *Чувство Агнии Александровны к Натальи Гончаровой близко к религиозному. Глубокое, потаённое. Ведь она жила реально в мире Пушкина. Этот мир Агнии Александровне был очень близок, понятен, очень дорог. Сколько помню, когда мы ехали в Петербург в гости ли, на гастроли, она наказывала сделать две вещи: нанести визит на Мойку и положить белые розы на могилу Н. Гончаровой. И мы всегда это делали. Это святое.*

Пушкин в доме Марковых был всегда. Вот как об этом вспоминает Катя:

— *В мою жизнь поэт вошёл не с «Буря мглою небо кроет...», а с «Бориса Годунова». Мне было лет шесть. Ещё в Иркутске. Мама рассказывала, как поступала в университет. В приёмной комиссии спрашивают: можете вспомнить такую-то сцену из «Бориса Годунова»? «Да, и прочесть могу». И мама начинает читать наизусть. «А вот это? А вот это?» — экзаменуют. Мама читает... Я очень хорошо помню сильное впечатление от маминого рассказа, и решила — надо учить. И тоже выучила. Дальше — «Евгений Онегин». Я поняла: моя мама — такой молодец! Моя мама была чудное создание. Но человек крайне скрытный. Никогда не говорила: то-то сделаю, то-то напишу... Свободное время находилось — уходила в свою комнату. То ли отдохнуть, то ли почитать, а на поверку оказывалось — писать. Не слышали от неё в жизни — не мешайте, работаю, мысль из-за вас потеряла! Постучишь, с каким-то вопросом обратишься — выйдет, ответит, что-то на кухне сделает. Всё без суеты, нервов. Тихо. Молча. А потом — раз, новая повесть. Я называла её «великой тихушницей». Любила розыгрыши, особенно с детьми, лёгкий она человек! Может поэтому и стала детским, юношеским писателем. Её мир, её душа — мир и душа молодых. Внуки ей безгранично доверяли. Рассказывали все секреты и тайны и не боялись быть непонятыми.*

...У мамы с Юрой (так Катя звала своего мужа Георгия Тараторкина, народного артиста РСФСР, так же, Юра, звала своего зятя и Агния Александровна) вообще были фантастические отношения. Мне это всегда казалось странным: я, родная дочь, всегда была виновата. Что бы ни случилось, что бы ни происходило. У нас не так уж и много было конфликтов. Характер у Юры замечательный, неконфликтный. Но если что-то возникало, мама всегда была на его стороне, защищала.

Катю продолжает Георгий Тараторкин (встреча с ними случилась уже после ухода Агнии Александровны из жизни):

— Судьба подарила мне отношения с такой семьёй, с такими невероятными людьми — это счастье!.. Знаете, никогда даже в самой тёплой мужской компании, когда начинались анекдоты про тёщу, я не смеялся, не понимал, что же и где здесь смешное — не было ассоциативного ряда. А в компании считали, что у меня с чувством юмора что-то, нет его...

Главным скрепом, главным цементирующим началом, главным хранителем и создателем настоящего дома и семьи была она — Агния Кузнецова — тёща, мать, жена, бабушка. Семья Тараторкиных — зеркальное отражение семьи Марковых. Те же уважение, доверительность, тепло и нежность друг к другу. На всём — её влияние.

— Агния Александровна — это атмосфера нашего дома. Интонация дома. Интонация отношений. Сложно себе представить, чтобы Агния Александровна участвовала в каких-либо разборках. Их не могло быть в том доме, в котором она жила. У неё такие внутренние законы, такая человеческая интонация, что все конфликты просто исключались. И это передалось детям — нам. Потом — нашим детям. Бывают люди нотаций. Но нотациям — грош цена. Самая плодотворная нотация, самая плодотворная мораль — это способ собственного существования. То, как ты существуешь — и становится способом воспитания, моментом воспитания... В этом она, Агния Александровна.

Мы почти закончили беседовать, но хозяйка вновь вернулась к разговору о Георгии Маркове:

— Мы с мужем прожили замечательную жизнь. Очень хорошую. Дай Бог каждому. Смерть его была для меня страшным ударом, неожиданностью... Неожиданностью... Трудно...

Она пережила его на пять лет. Мы встретились в начале лета 1996 года, она ушла в ноябре того же года. В Иркутске, на доме по улице К. Маркса, где Марковы прожили много лет, открыты мемориальные доски. В феврале 2017 года не стало и Георгия Тараторкина.

P.S. Я училась в Иркутске, в небольшой семилетней школе в Лисихе. Школа была около татарского кладбища. Актового зала в школе не помню. Его заменял длинный коридор, в котором проводились школьные линейки. Всех поклассно выстраивали в шеренгу, перед нами — директор. Он сообщал что-то важное и нужное. Но не всегда главное для взрослого является таковым же для ребёнка. Поэтому слушала вполуха, или вообще не слушала. Но зато разглядывала и читала. Плакаты на противоположной стене. Тексты были на разные темы. Интересные и познавательные. Один из них помню всю жизнь: «Всем хорошим во мне я обязан книгам». М. Горький.

Сегодня, оглядываясь назад, я эту фразу продолжила бы (да простит меня великий Горький). И звучала бы она так: «Всем хорошим во мне я обязана книге. И тем, кто писал для детей. Писал важное, нужное, умное, полезное». Ведь это благодаря им моё поколение так много времени проводило за чтением. И еще. Мне кажется, очень хорошо, что в моём школьном портфеле не было планшета и мобильного телефона. Может быть, я ошибаюсь? Не знаю.